

В его семье все музыканты: бабушка, мать, отец — все. И жену пианист Андрей ДИЕВ тоже выбрал из музыкантов. Однажды в разговоре я вскользь коснулась критики. И — “Кстати, как вы к ней относитесь, Андрей?” — “Нормально отношусь, — последовал ответ. — Вся жизнь моя — сплошная критика. Бабушка — первая учительница — говорила: руки не так держу. Мама — темпы загоняю. А отец ловил фальшивые ноты. Теперь жена взялась критиковать. В общем, когда вокруг тебя музыканты, в критике недостатка нет. Хотя самый суровый и беспощадный мой судья — это я сам. Вот и “наказываешь” себя: ну-ка еще раз повтори, поищи, проработай. Зато здорово закаляешься”.

Андрей Диев

Сам себе пианист

не столько выверена в деталях, сколько прочувствована, тогда она станет доказательной.

— В вашей последней сольной программе меня сразили именно прочувствованность, доказательность выдумок. То удивительно яркие контрасты вдруг находят, то в аккомпанементе прорисовывается выразительный мелодический ход. И в каждом сочинении — сочные кульминации, яркая драматургия, театрально-зрительные образы, богатство тембров, которыми вы манипулируете, как фигурами на шахматной доске.

Кульбура. — 1997. — 13 ноября с. 13

— Слава Богу, если так, потому что я к этому стремлюсь, этого добиваюсь, а иначе мне скучно. Подчас домашние или коллеги послушают, как я “колдую” за роялем, и начинают меня одергивать: “Ну что ты мудришь? Сыграй просто!” А что значит просто? Я и играю просто. Просто смотрю в ноты. А с тем, что исполнителю нельзя ничего “трогать”, что он должен относиться к музыкальному тексту, как к музейному экспонату, — и в школе, и в консерватории всегда этого требуют — я категорически не согласен. В исполнительстве существуют два направления: так называемое “академическое” и альтернативное — назову его “бунтарским”, что ли. Однако идет живой процесс, и то, что некоторое время назад считалось “альтернативой”, отходом от общепринятого, довольно скоро само становится “законным”, обязательным. И опять слышишь: “Здесь надо играть так, в таком темпе”. Ну кто знает, как должно быть? Кто может взять на себя смелость установить законность интерпретации? Этот вопрос обязательно возникает, когда играешь с оркестром, общаешься с оркестрантами, с дирижером. Обязательно начинаются строгие указания, советы: “Вот в этом эпизоде все вступают “на раз”. Или: “Здесь всегда замедляют, здесь обязательно ускоряют, иначе — скучно”. Кому скучно? — непременно хочется спросить в этих случаях. Если тебе скучно, уходи со сцены. Концерт написан для солирующего рояля, солист прекрасно знает партитуру и сам способен подсказать, какие эпизоды надо выделить. А рассуждения о том, как надо, как принято, — полнейшая чушь, маразм. Разве может быть такая заповедь в искусстве: раз все так делают, значит, и я тоже должен? По сути, таким образом в абсолют возводится чистойшей воды плагиат.

— Особенно, наверное, на конкурсах. А вы ведь были удачливым конкурсантом?

— Какое-то премии получал всегда, только не первые. Лев Николаевич Наумов, у которого я учился с 14 лет, всячески поощрял стремление к творческой овободе. Но, готовя к конкурсам, считал нужным проявлять “академизм”. “А вот этого давай не бу-

дем делать, чтобы не дразнить гусей”. И лишь когда 28-летним “стариком” я приехал на конкурс в Токио, стал уже играть так, как чувствовал, как считал нужным, и... в результате завоевал “золото”. Очевидно, когда артист в чем-то абсолютно убежден, он способен убедить даже жюри.

— Теперь вы сами нередко принимаете участие в работе конкурсных жюри. Какими критериями вы руководствуетесь, оценивая конкурсантов? Или студентов в классе?

— Первое, что я себе строго-настроено приказал, — не искать совпадений с моими собственными трактовками. И если в классе я вдруг замечаю, что ученик, наслушавшись моих записей, попытается меня копировать, я всегда это пресекаю. Что для меня главное? Главное, чтобы исполнитель понимал, что он играет музыку, а для этого не надо лупить по клавишам почем зря, демонстрируя свою мощь и безлосность пальцев. Помните, на последнем конкурсе Чайковского был пианист из Франции Тьерри Юйе? Очень мне понравился — играл искренне, осмысленно. А чего только не выделял в Этюдах-картинах Рахманинова!

— Да уж — пианист из пианистов. И сейчас в деталях помню его исполнение Седьмой сонаты Бетховена. А уж о Прелюдиях Дебюсси и говорить нечего. Потрясающе их играл! Будь я на месте жюри, я за одного Дебюсси дала бы такому пианисту первую премию. А его даже на третий тур не пропустили.

— Как говорит Наумов, ничего не поделаешь — на конкурсах нужно демонстрировать таланты в общепринятых трактовках.

— Может быть, проблема в самой системе обучения?

— Наверное, да. Притом, что в принципе система у нас гениальная. Но взят некий курс на усредненность. Знаете, как до революции всем девушкам из хороших домов было принято давать хорошее образование. Мне все чаще приходится в голову это сравнение, когда я думаю о нашей музыкальной школе. Все дается ученику, но личная его инициатива, самостоятельность мышления не поощряются.

— Ваши стиливые пристрастия?

— Они постоянно меняются. Я очень увлекался Моцартом, Брамсом, Шубертом. Затем сделал резкий поворот в сторону Рахманинова. Было трудно — как и всегда, когда очень слух “засорен”. Буквально боролся за звук. Искал способы, технику прикосновения к клавишам. Вроде нашел, но потом пришлось осилить переход от Рахманинова к Дебюсси. Тоже сложно: у одного “сочное”, плотное, “жирное” письмо, у другого — легкое, тонкое, эфемерное. А от Дебюсси к Скрябину было уже куда проще переходить. Однако у пианиста в отличие от скрипача или виолонче-

листа есть еще одна дополнительная трудность: нужно не только найти “свой звук”, но и сохранить его. (Обычно мои коллеги себя этим не утруждают, а мне интересно — своего рода спортивный задор). Искал я этот “свой звук” на многих роялях и пианино Советского Союза. Не только на “Стенвейях” и “Бехштейнах”. Все бывало: иной раз черные клавиши вылетали от чрезмерного “захвата” на стаккато, и тут уж только бы не распороть палец “торчащим” клеєм и доиграть до конца.

— Как вы относитесь к авангарду?

— Мне все интересно. Насколько я понимаю, сейчас самый большой авангардист тот, кто пишет музыку романтическую и тональную. Но когда фестиваль “Альтернатива” был еще именно альтернативой, я играл так называемую авангардную музыку. Инструмент был как бы префарирован: на струнах лежали карандаши. Это было трио, и я так даже пел. Мучился страшно — голос у меня есть, но пою фальшиво.

А вообще современную музыку — музыку моих друзей играл, когда работал в “Москонцерте”. Тогда существовала еще комсомольская организация, и полагаюсь иметь комсомольские “нагрузки”. Вот я и придумал: раз в год брал зал в Союзе композиторов и делал программы под названием “Молодые московские композиторы в исполнении молодых московских исполнителей”. И должен сказать, это было здорово. Времена были другие — ребята охотно соглашались играть, и никто никогда не спрашивал, как нынче: “А сколько дадут?” Сейчас, конечно, меньше играю современной музыки; но все равно случается: в этом году на фестивале в Руане участвовал в исполнении нового сочинения Валерия Арзуманова, который живет сейчас во Франции.

— А что впереди?

— Обязательно примусь за Шопена — давно его не играл. И, конечно, за Скрябина: хочу воплотить в жизнь свою сумасшедшую идею — исполнить все прелюдии. Их 90. В принципе две трети я уже изучил; подготовил и играю.

— У меня такое ощущение, что, когда вы на сцене, вы совершенно отрешены от того, что происходит в зале. Играете для себя. А как на вас действует успех?

— Естественно, я радуюсь, а потом три дня копаюсь в себе и мучаюсь. Много бисов — это еще ничего не значит. Помните, Сергей Прокофьев описал в своей “Автобиографии” забавный случай — на одном из приемов к нему подошел какой-то военный и поделился своими впечатлениями: “Вы знаете, господин Прокофьев, я недавно был на концерте и слышал ваше новое произведение. Ничегошеньки не понял!...” “Мало ли кому билеты продают”, — невозмутимо ответил композитор. “Ну мало ли кто играет на рояле”, — сказал бы я тем, кто удовлетворяется внешним успехом. Но ведь не так уж много дураков на рояле играет! Но себя к ним из скромности не причисляю.

Беседу вела
Мариам ИГНАТЬЕВА

Мы встретились после его сольного концерта, который потряс меня свежестью трактовок даже тех сочинений, в которых будто бы знаешь каждую ноту. Потому и начала беседу с вопроса:

— Как достигается подобное своеобразие? Вы ничего не “приписываете” от себя, не делаете купюр, темпов вроде тоже не меняете, но на всем — печать новизны. И в каждом произведении четко выстроена драматургия.

— Вот в какой-то мере вы и ответили на свой вопрос. Все дело именно в этом — в драматургии. А работаю я с тишиной и с нотами. Никогда не принимаю во внимание, как ту или иную вещь принято играть “академически”, не ориентируюсь на записи пусть даже очень авторитетных музыкантов. А вот свои записи слушаю весьма придирчиво, проверяю самого себя — иногда хвалю, иногда остаюсь совершенно индифферентным, иногда — нещадно ругаю. Что касается интерпретации, то, разумеется, я не задаюсь целью обязательно все переиначить. Хотя принимаясь за совсем уже заигранную пьесу, всегда что-то корректирую, стараюсь очистить от штампов. Но и тогда ничего

не “выдумываю”. Сами собой приходят разные решения — и начинаешь с интересом жить в этом “обновленном” сочинении. При чем со временем меняются и эти решения, потому что всегда играть одинаково я не могу.

— А у вас и не бывает одинаково.

— Очень рад, если это ощущается. Музыкальное исполнительство — творчество, и если уж избрал себе такую профессию, а не копаешь траншеи, значит, твори. Раньше так всегда и считали: любой музыкант — прежде всего творец. А теперь довольно расхожим стало мнение, будто исполнитель — что-то вроде композиторского “слуги” или в лучшем случае — доверенное лицо. Служи честно, исправно или, как сказал однажды Игорь Стравинский, “играй ноты” — и больше ничего от тебя не требуется. Однако “приказ” этот довольно неопределенный. Как прочитать ноты? Из чего исходить? Кто правильно действует — тот, кто — играет музыку аутентично, или тот, кто неаутентично? Никто не ответил и никогда не сможет ответить. Да это просто схоластический спор. Главное, чтобы трактовки были увлекательными, убедительными, чтобы “выдумка” была даже